

Юлий Люцифер

ИЗМЕНА ДРАКОНА

БРОШЕННАЯ МАТЬ
НАСЛЕДНИКОВ АСГАРДА

Юлий Люцифер

**Измена дракона. Брошенная
мать наследников Асгарда**

«Литнет»

2026

Люцифер Ю.

Измена дракона. Брошенная мать наследников Асгарда /
Ю. Люцифер — «Литнет», 2026

Пять лет назад мой муж, король драконьих всадников, назвал меня изменницей и выбрал другую. Я ушла из дворца беременной. Без имени. Без защиты. Без права доказать правду. Он не знал, что я ношу под сердцем его детей. Теперь Сайрен и Мейра выросли. Они слышат древних драконов, видят трещины в клятвах и носят в крови силу, способную вернуть Асгард — легендарную крепость всадников, исчезнувшую под ледяными небесами. Я скрывала их от короны пять лет. Но Асгард проснулся. Драконы снова зовут наследников. А Вальгард Аскерин пришел за теми, кого считает будущим своего трона. Только мои дети не добыча короля. А я больше не та женщина, которую можно предать, изгнать и вернуть одним приказом. Он хочет вернуть наследников. Я хочу защитить семью. И прежде чем дракон получит право называться отцом, ему придется доказать, что он способен выбрать нас не ради Асгарда, не ради власти, не ради короны. А ради правды.

© Люцифер Ю., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог. День измены	5
Глава 1. Женщина под чужим именем	13
Глава 2. Дракон на пороге	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Пролог. День измены

В день, когда мой муж выбрал другую, в тронном зале Нордвира стояли все драконьи всадники, перед которыми я когда-то принимала корону.

Не все королевство. Не весь двор. Только те, чье молчание стоило дороже крика.

Командиры Крылатого легиона в темной броне. Старшие всадники Черной эскадры. Советники с серебряными цепями на груди. Люди, которые знали цену клятвам, крови и седлу, но смотрели на меня так, будто я уже не была женщиной. Только ошибкой, которую нужно было вычеркнуть из летописи.

Я стояла посреди зала без короны.

Ее сняли с меня до суда.

Не после.

До.

Это было первое доказательство того, что приговор написали раньше, чем я вошла.

Черный камень пола охлаждал ступни даже сквозь тонкую подошву туфель. Над высокими окнами висели боевые знамена Нордвира: крылья, пламя, знак королевской линии Аскерин. За стеклом метался снег. Ниже, на драконьей террасе, лежал Наргейм, черный дракон моего мужа. Огромный, неподвижный, с крылом, сложенным вдоль каменного края.

Он поднял голову, когда меня ввели.

Один он не отвел взгляда.

Вальгард сидел на троне.

Не мой муж.

Не мужчина, который когда-то держал мою руку у алтаря Асгарда и говорил, что клятвы сильнее крови.

Король.

Верховный всадник.

Дракон, поверивший бумаге раньше, чем живому голосу.

На нем была темная броня с узором королевского пламени. Черные волосы убраны назад, лицо спокойное, жесткое, будто все, что происходило в зале, не касалось его сердца. Если оно вообще оставалось там, где я когда-то верила ему.

Справа от него стояла Морвенна Тирскар.

Не за спиной. Не среди дам двора.

Рядом.

Ее платье было цвета зимнего вина, волосы убраны высоко, шея открыта. На запястье сиял тонкий брачный знак королевской спутницы — не полный, не заверченный, но достаточно ясный, чтобы весь зал понял.

Меня еще не осудили.

А мое место уже заняли.

Я посмотрела на этот знак не сразу. Сначала на Вальгарда. Мне нужно было увидеть, что он стыдится. Что это политическая игра. Что он вынужден. Что за его холодом спрятан хоть какой-то след мужчины, которому я когда-то доверила свою жизнь.

Ничего.

Только власть.

И серые глаза, в которых я больше не была женой.

— Илмарис Ранхольм, — произнес Лоркан Хрейд.

Он стоял у стола Совета, перед раскрытыми свитками. Старший хранитель архивов, человек с мягким голосом и руками, которые никогда не дрожали. Его седые волосы лежали без-

упречно, как и складки темного одеяния. Он всегда умел выглядеть не опасным, а необходимым.

— Вы обвиняетесь в передаче врагам схемы драконьих гнезд, нарушении клятвы хранительницы и попытке сорвать возвращение Асгарда.

Слова ударили не болью.

Боль пришла раньше.

Слова только показали форму клетки.

— Это ложь, — сказала я.

Мой голос прозвучал спокойно. Тише, чем я ожидала. Но в зале услышали.

Несколько всадников переглянулись. Ингарда Фалк стояла в первом ряду Крылатого легиона, прямо, жестко, с ладонью на рукояти меча. Она смотрела на меня без жалости. Не с ненавистью. Это было хуже. Она уже решила, что жалость мне не положена.

— У Совета есть письма, — ответил Лоркан.

Он поднял первый лист.

Я увидела темную печать на краю пергамента и почувствовала, как тонкая боль прошла по ладони. Магия рода Ранхольм не любила ложь в клятвах. Она отзывалась на нее телом: колючим холодом в пальцах, тяжестью под ребрами, сухостью во рту.

Печать была похожа на нашу.

Похожая ложь всегда опаснее грубой.

— Это не моя рука, — сказала я.

Лоркан не повысил голоса.

— Эксперты Совета подтвердили почерк.

— Тогда эксперты Совета ошиблись.

В зале прошел сдержанный шум. Короткий. Недовольный. Не из-за подделки. Из-за того, что я посмела ответить.

Я повернулась к трону.

— Вальгард.

Он не позволил своему имени изменить лицо.

— Обращайтесь к королю, леди Ранхольм.

Леди.

Не жена.

Не королева.

Внутри меня что-то оборвалось так тихо, что никто не услышал.

Я сжала пальцы, чтобы не дотронуться до живота. Еще рано. Слишком рано, чтобы кто-то увидел. Но я уже знала. Не от лекарей, не от придворных женщин и не от Совета. Моя кровь знала раньше них.

Под моим сердцем жила его кровь.

Наша.

— Государь, — сказала я, и это слово далось хуже любого удара. — Я не передавала схемы гнезд. Я не видела их с того дня, как вы закрыли военный архив после северного нападения. У меня не было доступа.

— Доступ был у рода Ранхольм, — сказал Лоркан.

— У моего рода был доступ к печатям Асгарда, а не к боевым маршрутам Черной эскадры.

— Значит, вы нашли способ обойти запрет.

Так просто.

Сначала они отнимали у тебя ключи. Потом обвиняли в том, что ты открыла дверь без них.

Я снова посмотрела на Вальгарда.

— Ты знаешь это.

Его пальцы лежали на подлокотнике трона. На среднем пальце темнело кольцо драконьей клятвы. То самое, которое вспыхнуло пламенем в день нашей свадьбы.

Теперь оно было холодным.

— Я знаю, — сказал он, — что после передачи сведений погибли три всадника. Два дракона ослепли от ледяного яда. Северное гнездо пришлось сжечь, чтобы твари из провала не добрались до кладки.

Я не была готова к тому, как ровно он это произнес.

Не как вопрос.

Как приговор.

— И ты решил, что это сделала я?

— Я видел доказательства.

— А меня ты видел?

Он замолчал.

На один миг зал исчез.

Остались только мы. Мужчина, которого я любила, и женщина, которой он больше не верил. Между нами лежали пергаменты, мертвые всадники, чужая ложь и его молчание.

Морвенна чуть повернула голову.

На ее губах не было улыбки. Она была умнее. Она только опустила ресницы, будто моя боль ее утомляла.

Лоркан развернул второй свиток.

— Совет также располагает заключением дворцовых лекарей. Кровь Ранхольм признана нестабильной, поврежденной чужой магией и непригодной для продолжения королевской линии.

Я резко вдохнула.

Вот оно.

Не просто суд.

Зачистка.

Меня нужно было не только обвинить. Меня нужно было сделать невозможной. Ненужной. Женщиной, которую можно убрать без страха за наследие.

— Это заключение поддельное, — сказала я.

— Вы не лекарь.

— Я знаю свою кровь.

— Ваша кровь сегодня говорит против вас.

Я шагнула вперед.

Двое стражей тут же приблизились. Всадники, не обычные дворцовые солдаты. На их плечах были короткие плащи Черной эскадры. Люди моего мужа. Те, кто когда-то склонял головы, когда я проходила рядом с Вальгардом.

Теперь они готовились остановить меня.

Я подняла ладони, показывая, что не собираюсь нападать.

— Я беременна.

Тишина стала плотной.

Не громкой. Не взрывной.

Плотной.

В ней можно было услышать, как за окнами снег бьется о стекло.

Вальгард не поднялся.

Только его взгляд стал темнее.

Лоркан медленно повернулся ко мне. Очень медленно, будто давал залу время понять, какой именно ложью меня сейчас назовут.

— Это невозможно.

— Нет.

Мой голос дрогнул, но не сломался.

— Это правда.

Я снова посмотрела на Вальгарда. Не на Совет. Не на Морвенну. Не на людей, которым было удобно считать меня предательницей.

На него.

— Я хотела сказать тебе утром. До Совета. Меня не пустили.

Он молчал.

Не потому что не слышал.

Потому что выбирал, чему верить.

И я видела этот выбор.

Лоркан положил на стол новый лист с тремя печатями.

— Заключение составлено до суда. Королевская лекарская палата подтвердила: леди Ранхольм не способна выносить наследника Аскерин. Заявление о беременности является попыткой сорвать законное решение Совета.

Меня затошнило.

Не от страха.

От ясности.

Они продумали все. Даже это. Даже моего ребенка, о котором не должны были знать.

— Позови Тальвию Норн, — сказала я Вальгарду. — Пусть она осмотрит меня здесь. Сейчас.

Морвенна впервые заговорила.

— Неужели тронный зал должен стать местом для таких унижений?

Голос у нее был мягкий. Почти печальный.

Я повернула голову.

— Для меня здесь уже сделали все унижения возможными.

Несколько человек отвели глаза.

Не из милости.

Из неудобства.

Морвенна выдержала мой взгляд.

— Вам следовало подумать о достоинстве раньше, Илмарис.

Она произнесла мое имя так, будто имела право.

Я хотела ответить.

Не успела.

Вальгард поднял руку.

Движение было небольшим, но зал подчинился сразу. Так подчиняются только дракону и королю.

— Достаточно.

Одного слова хватило, чтобы мне стало холоднее, чем от каменного пола.

— Вальгард...

— Достаточно, — повторил он.

В этот раз тише.

И страшнее.

Он поднялся с трона. Высокий, темный, в броне, которую я помогала застегивать в день северного похода. Я знала каждую пряжку, каждый след на металле, старый ожог у края шеи, скрытый высоким воротом. Я знала его усталость. Его молчание после битв. То, как он спал только на правом боку, потому что левое плечо болело в сырость.

Я знала слишком много о человеке, который сейчас смотрел на меня как на врага.

Он спустился на одну ступень.

Не ко мне.

Только ниже трона.

— Брак между короной Аскерин и родом Ранхольм был заключен ради возвращения Асгарда, — произнес он. — Ради союза крови драконов и хранителей. Этот союз не принес ни силы, ни наследника, ни мира.

Я стояла неподвижно.

Если бы я пошевелилась, то, наверное, упала бы.

— Государь, — осторожно начал кто-то из старших всадников.

Вальгард не посмотрел на него.

— Сегодня Совет получил достаточно доказательств, чтобы признать Илмарис Ранхольм нарушившей королевскую клятву. Ее титул снимается. Ее доступ к печатям Асгарда закрывается. Ее имя исключается из брачной книги Аскерин до полного очищения короны.

Полного очищения.

Так называли изгнание, когда не хотели говорить слово "смерть".

Я услышала тихий звук.

Это Морвенна выдохнула.

Очень мягко.

Почти незаметно.

— А наш брак? — спросила я.

Глупый вопрос.

Я уже знала ответ. Но какая-то часть меня, самая упрямая и самая живая, все еще требовала услышать это от него.

Вальгард посмотрел мне прямо в глаза.

— Наш брак был ошибкой.

Зал не шелохнулся.

Никто не вмешался.

Никто не сказал, что так нельзя говорить женщине, которая стояла без защиты перед сотней вооруженных людей.

Я медленно кивнула.

Один раз.

Не ему.

Себе.

Чтобы запомнить.

Не крикнуть. Не умолять. Не падать на колени. Не доказывать тем, кто уже выбрал ложь, что у меня тоже есть сердце.

Моя мать когда-то говорила: если у тебя отняли голос, сохрани спину прямой. Иногда это единственное, что остается твоим.

Я выпрямилась.

— Тогда слушай меня как король, Вальгард Аскерин.

Кто-то резко втянул воздух.

Он не остановил меня.

— Я не предавала Нордвир. Я не продавала драконьи гнезда. Я не разрушала печати Асгарда. И если однажды правда вернется в этот зал, ты вспомнишь не мои слезы. Их не будет. Ты вспомнишь, что я сказала это, глядя тебе в лицо.

Его челюсть напряглась.

Вот теперь боль дошла.

Не до него.

До меня.

Потому что я увидела: он почувствовал. Не поверил, нет. Но почувствовал. На мгновение живой мужчина поднялся из-под короны и тут же снова исчез.

— Уведите ее, — сказал он.

Не "мою жену".

Не "Илмарис".

Ее.

Стражи подошли с двух сторон.

Один коснулся моего локтя слишком крепко. Серебряные следы на моей ладони вспыхнули болью. Я не вырвалась. Не дала им этого удовольствия.

Когда меня повели через зал, я прошла мимо Морвенны.

Она не поклонилась.

Я тоже.

Только на миг наши взгляды встретились. В ее глазах не было торжества. Там было что-то холоднее: уверенность человека, который считает, что все опасное уже убрано с дороги.

Я прошла дальше.

Мимо всадников.

Мимо знамен.

Мимо пуст.

Мимо всадников.

Мимо знамен.

Мимо пустого места, где когда-то стояло Белое седло Асгарда — символ крепости, которую мой род должен был вернуть.

У самых дверей я оглянулась.

Вальгард все еще стоял на ступени перед тронном.

Свет зимнего дня падал на его лицо, делая его почти каменным. За высоким окном Наргейм поднялся на лапы. Черный дракон ударил хвостом по камню террасы.

Один раз.

Глухо.

Так, что стекла дрогнули.

Вальгард не обернулся к нему.

А я почему-то запомнила именно это.

Не приговор. Не Морвенну. Не снятую корону.

Черный дракон знал, что в зале сломали клятву.

А его всадник еще нет.

Меня вывели из тронного зала до заката.

К ночи у меня не осталось ничего.

Ни короны. Ни имени. Ни права войти в собственные покои без сопровождения. Служанки, которые вчера расчесывали мне волосы, сегодня не смотрели мне в лицо. Из шкатулки забрали королевские печати. Из шкафа — платья с гербом Аскерин. Даже гребень моей матери Лоркан приказал оставить в описи дворца, потому что на нем был знак хранительниц.

— Это принадлежит роду Ранхольм, — сказала я.

Писарь не поднял головы.

— Род Ранхольм отстранен от наследственных прав до решения Совета.

Я рассмеялась.

Тихо.

Сухо.

Писарь побледнел, будто я сделала что-то неприличное.

Нет. Неприличным было украсть у женщины даже память о матери и назвать это порядком.

Позже, когда дворец уснул или сделал вид, что спит, меня вывели через северные ворота. Не парадные.

Через те, которыми пользовались поставщики, раненые солдаты и тела после неудачных полетов.

На мне было простое серое платье и чужой плащ. Мой собственный не отдали: на застёжке стоял маленький знак Аскерин. Значит, больше не мой.

Снег шел крупно. Холодный ветер бил в лицо, но я не закрывалась. У ворот ждали двое всадников Черной эскадры и один закрытый экипаж без герба.

— До восточной дороги, — сказал старший. — Дальше вам будет указано направление.

— Мне?

Он сжал губы.

— Приказано доставить вас за пределы дворцовой защиты.

За пределы защиты.

Хорошие слова.

Чистые.

Почти милосердные.

Не "оставить одну ночью на дороге, где за час до рассвета появляются ледяные твари".

Не "изгнать женщину, которая носит возможного наследника".

Не "выполнить приказ короля, чтобы завтра никто не нашел следов".

Я поднялась в экипаж сама.

Никто не подал руки.

Колеса тронулись по мерзлому камню. Дворец Нордвир медленно отступал за узким окном. Башни, драконьи террасы, темные стены, окна, где горел теплый свет.

Где-то там остался мужчина, которого я любила.

Нет.

Я заставила себя вдохнуть.

Где-то там остался король, который сделал свой выбор.

Экипаж выехал за внешние ворота. Дворцовая защита прошла по коже слабым теплом и исчезла. Сразу стало тише. Будто мир за стенами Нордвир не хотел принимать меня даже изгнанной.

Лошади остановились у развилки.

Старший всадник открыл дверцу.

— Дальше пешком.

Я посмотрела на него.

Он был молод. Может быть, младше меня. На лице ни злости, ни удовольствия. Только приказ, за который он спрятался, как за щит.

— Ты знаешь, что делаешь? — спросила я.

Он отвел взгляд.

— Я служу королю.

— Нет. Сегодня ты служишь его страху.

Он побледнел сильнее, но не ответил.

Я вышла.

Снег сразу обжег щиколотки. Ветер подхватил край плаща. Экипаж развернулся почти сразу, как только я отошла от дороги. Ни воды. Ни денег. Маленький узел с бельем и парой хлебных лепешек бросили на снег рядом.

Так заканчивалась королевская милость.

Я стояла у дороги, пока стук колес не исчез.

Дворец был далеко, но его башни еще виднелись между снегом и темнотой. Над ними кружили драконы ночной стражи. Черные точки на сером небе. Дракони всадники Нордвир охраняли корону.

Не справедливость.

Корону.

Я опустила руку на живот.

Сначала ничего.

Только холод ладони через ткань.

Потом под кожей дрогнуло слабое тепло.

Не толчок. Для него было слишком рано. Не движение тела.

Ответ крови.

Маленькая, упрямая искра жизни, которую не смогли вычеркнуть ни печати Совета, ни ложь лекарей, ни приговор моего мужа.

Я закрыла глаза.

До этого мгновения я держалась, потому что не хотела упасть перед ними.

Теперь я держалась, потому что была не одна.

— Слышишь? — прошептала я в темноту, хотя ребенок еще не мог слышать меня так, как слышат рожденные. — Нас бросили.

Ветер ударил снегом по лицу.

Я открыла глаза и посмотрела на далекие башни Нордвир.

— Но мы выживем.

Я не знала тогда, что под сердцем бьется не одна жизнь.

Не знала, что мои дети услышат Асгард раньше, чем произнесут свои имена.

Не знала, что однажды Вальгард Аскерин придет за ними с драконами, приказами и запоздалой правдой.

Но уже тогда, на дороге за пределами дворцовой защиты, я поняла главное.

Брошенной можно стать по чужой воле.

Сломанной — только по своей.

Я подняла узел с мерзлого снега и пошла на восток.

Глава 1. Женщина под чужим именем

В поселении Вардхольм меня знали как Марну Лир.

Вдову без родни, женщину с тихим голосом и руками, которые умели снимать жар с ожога, вправлять выбитый палец, зашивать раны после рыбацких крючьев и варить мази, от которых кожа переставала чернеть после ледяной воды.

Никто не знал, что у этих рук было другое имя.

Илмарис Ранхольм.

Когда-то его произносили в тронном зале Нордвира. Потом вычеркнули из брачной книги Аскерин, из дворцовых записей, из права на защиту, из человеческой памяти тех, кому было удобнее считать меня предательницей.

Пять лет я жила так, чтобы никто не спросил слишком много.

Вардхольм стоял далеко от столицы, у каменного берега, где море большую часть года было темным и злым. Здесь люди привыкли к потерям и не любили чужих вопросов. Если женщина приезжала одна, беременная, без герба на плаще и с глазами человека, который не хочет говорить о прошлом, ей могли дать комнату над копильней, работу у лекарской лавки и право молчать.

Я этим правом пользовалась осторожно.

Молчание тоже выдает, если держаться за него слишком крепко.

Поэтому я отвечала, когда спрашивали о погоде. Смеялась, если старый рыбак Варден в третий раз рассказывал одну и ту же историю о трехметровой щуке. Торговалась за муку. Отдавала часть мазей бесплатно тем, кто не мог заплатить. На ярмарках стояла в стороне, но не пряталась.

Прятаться заметнее всего.

В тот день с утра шел мелкий сухой снег. Он не ложился мягко, а царапал лицо, забивался в складки плаща и скрипел под сапогами. В рыбном сарае пахло солью, мокрой веревкой и дымом. У двери стояли корзины с треской, у дальней стены на лавке сидел Рунн, один из молодых рыбаков, и старался не смотреть на свою правую руку.

Пальцы у него были серыми до костяшек.

Плохой цвет.

— Марна, скажи честно, — прохрипел он, когда я сняла с его запястья грязную повязку. — Отрежут?

— Если будешь дергаться, я сама отрежу, чтобы не мешал, — сказала я.

Он попытался улыбнуться, но губы у него дрогнули.

Рядом стояла его сестра Хейна. Девушка с рыжей косой, сильными плечами и глазами, в которых страх был хуже слез. Она принесла брата почти на себе. Сказала, что он полез вытаскивать сеть у северных камней, где вода странно светилась подо льдом. Я не стала спрашивать, почему он полез туда после предупреждения старейшины.

Молодые мужчины часто считают запреты проверкой храбрости.

Море быстро объясняет им разницу между храбростью и глупостью.

Я взяла его ладонь осторожно. Кожа была холодной, но не мертвой. Под ней шла тонкая синяя линия, как трещина в стекле. Обычный лекарь назвал бы это обморожением.

Я знала другое.

Ледяная тварь прошла под водой недалеко от сети. Не поднялась на поверхность, иначе Рунн не сидел бы сейчас на моей лавке. Но ее след задел веревку, а веревка задела кожу. Чужой холод уже тянулся к сухожилиям.

— Ты чем его мазала? — спросила я Хейну.

— Салом и золой. Бабка сказала, так надо.

— Бабка хочет, чтобы он пах как старая печь?

— Она сказала, это вытянет холод.

— Холод из него вытяну я. А золу больше не клади.

Хейна кивнула быстро, с облегчением. Людям легче, когда им дают простое дело. Не трогай. Держи. Принеси воду. Стой рядом. Жди. Так страх получает форму и перестает лезть в горло.

Я открыла кожаную сумку, достала банку с густой серой мазью и чистый нож. Для вида мне нужна была мазь. Для пользы — кровь и та часть силы, которую я не должна была показывать.

— Будет больно, — сказала я Рунну.

Он попытался выпрямиться.

— Я выдержу.

— Это не просьба выглядеть достойно. Это предупреждение. Если станет дурно, говори.

Я повернула его руку ладонью вверх, большим пальцем нажала под запястьем и почувствовала чужую трещину. Моя магия откликнулась сразу: тонким жаром в старых серебристых следах на ладонях. Я закрыла их краем рукава, будто просто защищала кожу от мази.

Магия хранильниц Асгарда не была предназначена для рыбаков, сетей и обмороженных пальцев.

Она создавалась для печатей, клятв и камня, который держал в небе древнюю крепость всадников.

Но если сила умеет закрывать разлом в защите, она может закрыть и тонкую рану в живом теле. Цена только всегда была рядом. Не страшная в малом. Слабость, боль, несколько капель крови там, где старая отметина снова раскрывалась. Я научилась делать это незаметно.

Незаметность стала моим ремеслом.

Я провела ножом по мази, будто размешивала ее, и тонко уколола подушечку своего пальца о край лезвия. Капля крови смешалась с серой массой. Рунн этого не увидел. Хейна смотрела на его лицо.

Я приложила мазь к синей линии.

Рунн дернулся всем телом и стиснул зубы.

— Держи руку ровно, — сказала я.

— Горит.

— Значит, рука живая.

Сила пошла через кровь тихо, без света. Я не позволяла ей проявиться. В Вардохольме любили знахарок, но боялись колдуний. Разница между ними зависела не от силы, а от того, насколько красиво человек умел объяснить чужое исцеление.

Синяя линия под кожей дрогнула. Холод сопротивлялся недолго. След твари был слабый, случайный, без намерения. Я закрыла его, как закрывают мелкую дырку в крыше до настоящего дождя: быстро, плотно, без лишней гордости.

Боль в моей ладони стала глубже.

Я убрала руку, обмотала запястье Рунна чистой тканью и завязала узел.

— До утра пальцы не мочить. Завтра придешь, посмотрю еще раз. Если посинеет выше повязки, не жди.

Он разжал зубы.

— Спасибо, Марна.

Хейна сунула мне в руку две медные монеты и вязаный мешочек с сушеной рыбой.

— Больше нет.

— Этого достаточно.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что у вас всегда больше нет.

Она вспыхнула, но поняла, что я не насмехаюсь. В Вардохольме лишнего почти ни у кого не было. Особенно зимой.

Когда они ушли, я закрыла дверь сарая на крюк, прислонилась спиной к стене и медленно разжала ладонь.

Старая серебристая линия под большим пальцем раскрылась. Из нее выступила кровь. Не много.

Достаточно, чтобы напомнить: сила не забывает долгов.

Я промыла ладонь соленой водой из ведра, стиснула зубы и дождалась, пока боль станет ровной. Потом перевязала руку так, чтобы никто из детей не заметил сразу. Они замечали слишком многое.

Особенно Сайрен.

Он с раннего детства смотрел не туда, куда смотрели другие дети. Не на игрушку, не на сладкую лепешку, не на яркую ленту на рынке. Он смотрел на дверь за секунду до стука. На небо за минуту до грома. На человека, который еще не успел солгать.

Мейра была другой.

Она врывалась в мир так, будто тот обязан был стать добрее только потому, что она проснулась. Громкая, быстрая, с упрямым подбородком и глазами Вальгарда, от которых у меня иногда сжималось сердце. Она смеялась легко, сердилась честно и плакала только тогда, когда думала, что никто не видит.

Они оба были опасностью.

Моей жизнью.

Моей единственной правдой.

Когда я вернулась домой, Мейра сидела на полу у очага и строила крепость из щепок. Сайрен стоял у окна, прижав пальцы к замерзшему стеклу. На нем была старая шерстяная кофта, которую я перешивала уже дважды. Он вырос за зиму слишком быстро, и манжеты снова открывали тонкие запястья.

— Мам, — сказала Мейра, не поднимая головы. — Сайрен опять молчит так, будто слышит чужие мысли.

— Я не слышу мысли, — ответил он.

— А что тогда?

— Крылья.

Я остановилась у стола.

Не резко. Детей нельзя пугать своим страхом раньше, чем есть причина. Страх взрослого делает любую беду настоящей, даже если ее еще можно удержать за порогом.

— Какие крылья? — спросила я, снимая плащ.

Сайрен не обернулся.

— Большие. Далеко. Не здесь.

Мейра воткнула щепку в середину своей крепости.

— Он говорит это с утра. Я сказала, что если крылья далеко, то пусть там и остаются.

— Разумное предложение, — сказала я.

Мейра довольно посмотрела на брата.

— Видишь? Мама тоже так думает.

Сайрен наконец повернулся. Лицо у него было серьезное, слишком взрослое для пяти лет. Таким лицом дети не должны встречать обычное утро. Но мои дети с рождения жили рядом с тайной, которую я не могла им объяснить полностью.

— Они не злые, — сказал он. — Просто ищут.

Я подошла ближе, присела перед ним и взяла его руки. Кожа теплая. Пульс быстрый, но ровный.

— Сайрен, когда ты слышишь крылья, у тебя болит голова?

— Нет.

— В груди тяжело?

Он подумал.

— Нет. Только здесь тихо становится.

Он приложил ладонь к горлу.

Я заставила себя не смотреть на его пальцы слишком пристально. У детей еще не было серебристых следов хранительниц. И не должно было быть так рано.

— Если снова услышишь, скажешь мне сразу. Не Мейре, не соседке Ханне, не старому Вардену на пристани. Мне.

Он кивнул.

Мейра поднялась с пола, подошла и обняла меня сбоку. Ненадолго. Она не любила, когда нежность замечали и называли нежностью.

— А если я увижу?

Я посмотрела на нее.

— Что увидишь?

Она пожала плечом.

— Трещины.

В комнате стало тише, хотя огонь в очаге потрескивал, а ветер стучал в ставни.

— Где? — спросила я.

— Иногда на людях. Когда они говорят неправду. Не всегда. Только если неправда важная.

Я медленно выдохнула.

Это началось.

Я ждала этого пять лет и все равно оказалась не готова.

Магия крови редко приходила к детям мягко. У обычных всадников первый отклик появлялся рядом с драконом, под присмотром наставника. У наследников королевских линий — при клятвенных камнях, среди лекарей и старших магов. У детей хранительниц — в архивных залах, где стены держали силу ровно.

Сайрен и Мейра росли в маленьком доме у моря, между ведром с углем, рыбными корзинами и моими постоянными предупреждениями не говорить лишнего.

Другого безопасного места у меня не было.

— Ты кому-нибудь рассказывала? — спросила я.

Мейра нахмурилась.

— Нет. Ты же сказала, что наши странности должны жить дома.

Я не удержалась и прижала ее к себе крепче.

— Правильно сказала.

— Но если это странность, почему она наша?

Вопрос был простой.

Опасный не потому, что на него нельзя ответить, а потому что ответ тянул за собой все остальное: дворец, суд, изгнание, Вальгарда, Морвенну, драконов, Асгард и дорогу, на которой я поняла, что несу под сердцем двух детей, а не одного.

Я отпустила Мейру, чтобы видеть ее лицо.

— Потому что вы родились с сильной кровью. Сильная кровь не делает вас хуже или лучше. Она просто требует больше осторожности.

— Как нож? — спросил Сайрен.

— Да. Хороший нож режет хлеб. Плохая рука режет пальцы.

Мейра посмотрела на мою перевязанную ладонь.

— Ты опять порезалась.

Я убрала руку под край платка.

— Рунн принес обморожение. Пришлось работать быстро.

— Он глупый, — сказала она. — Хейна говорила, что он полез к северным камням.

— Не повторяй это при нем.

— Почему? Это же правда.

— Не всякая правда должна быть сказана в лицо сразу. Иногда человеку сначала нужно сохранить руку.

Мейра подумала и кивнула так серьезно, будто приняла закон королевства.

Я поставила котелок на огонь, нарезала лук и сухие корни. Дети спорили над своей щепочной крепостью, и на время дом стал похож на обычный. Маленький, бедный, теплый. Слишком близкий к морю. Слишком далеко от любой защиты. Но живой.

Я ценила такие часы.

В них почти можно было поверить, что прошлое осталось далеко.

Почти.

После обеда пришла Ханна, хозяйка соседнего дома, принесла кусок грубой ткани и новости с пристани. В Вардхольме новости всегда приходили вместе с чем-то полезным, чтобы не выглядеть праздным любопытством.

— В столице опять тревога, — сказала она, пока я примеряла ткань к Мейриному старому платью. — Купец с южной дороги слышал: драконы стали плохо брать высоту. Один упал возле Скарна.

Моя рука замерла на складке.

— Всадник жив?

— Не знаю. Купец говорил, у Черной эскадры тоже беда. Клятвы слабеют. Старые люди говорят, Асгард сердится.

Мейра подняла голову слишком быстро.

Я успела положить ладонь ей на плечо.

— Старые люди много говорят зимой, — ответила я ровно. — Им холодно молчать.

Ханна фыркнула.

— Это верно. Но ты бы вечером ставни закрепила. Небо крутит с севера. Будет буря.

Я поблагодарила ее за ткань и проводила до двери. На пороге она задержалась и вдруг посмотрела на детей. Не пристально, нет. Скорее с той мягкой грустью, с которой женщины смотрят на чужих детей, если своих у них нет рядом.

— Хорошие они у тебя, Марна. Только не похожи ни на кого здесь.

— Вардхольм маленький. Здесь все на кого-нибудь похожи, поэтому чужое лицо бросается в глаза.

— Может быть.

Она ушла, а я долго держала руку на засове.

Не похожи ни на кого здесь.

Слишком красивые. Слишком светлые для рыбацкого поселения. Слишком прямые в спине. У Мейры были глаза Аскерин, у Сайрена — тишина старых клятв. Я могла пачкать им одежду золой, стричь волосы неровно, учить не смотреть на драконов слишком жадно, но кровь все равно проступала в каждом движении.

Кровь всегда ищет дорогу наружу.

К вечеру буря действительно пришла с севера.

Сначала море потемнело. Потом чайки исчезли с крыш. Потом воздух стал таким плотным, что в нем трудно было зажечь лучину. Я закрыла ставни, проверила крюк на двери, убрала с подоконника сушеные травы и спрятала в сундук все, что могло откликнуться на сильную магию: материнский гребень мне не вернули, но у меня оставались три тонкие пластинки из белого камня Асгарда.

Я не брала их в день изгнания.

Они были зашиты в подол моего платья еще до суда. Моя мать научила меня этому после свадьбы, когда я смеялась и говорила, что во дворце нет нужды прятать родовые вещи.

Она тогда ответила: во дворце нужнее всего прятать то, что может доказать правду.

Я не понимала ее.

Потом поняла слишком поздно.

Белые пластинки я хранила в железной коробке под половицей. Они не давали силы, не открывали проходов и не могли защитить детей. Только помнили род Ранхольм. Иногда этого было достаточно, чтобы я не забывала, кем была до имени Марна.

Перед сном я проверила коробку.

Камень был холодным.

Хорошо.

Я вернула доску на место, уложила детей и села у стола штопать Сайренову кофту. Буря была в дом с такой силой, что стены вздрагивали. Над крышей протяжно гудел ветер. В очаге огонь лег набок, будто его тянуло к двери.

Я не любила северные бури.

В них всегда было что-то старше погоды.

Около полуночи Сайрен заговорил во сне.

Не громко. Не так, как дети зовут мать, когда им снится плохое.

Он произнес слово, которого не должен был знать.

— Асгард.

Игла застыла у меня между пальцами.

Я поднялась не сразу. Сначала прислушалась. Иногда страх превращает обычный звук в знак. Иногда мать слышит то, чего боится.

Сайрен повторил:

— Асгард.

Теперь я уже шла.

В детской комнате было темно, только через щель между ставнями пробивался синий свет бури. Сайрен сидел на кровати, глаза открыты. Мейра стояла у окна босиком, в одной ночной рубашке, и держала ладонь на ставне.

— Мейра, отойди, — сказала я спокойно.

Она не обернулась.

— Там кто-то зовет.

Я подошла и взяла ее за плечи. Тело у нее было теплым, но пальцы ледяными.

— Кто?

— Не человек.

Сайрен спустил ноги с кровати.

— Они не зовут нас по именам. Они не знают наши имена.

У меня похолодело под ребрами.

— Кто они, Сайрен?

Он посмотрел на меня, и в его глазах отражался не свет очага. Слишком бледный. Слишком ровный.

— Драконы под небом.

Ставня дрогнула.

Не от ветра.

Из-под пола раздался тихий треск.

Я резко обернулась. Доска над железной коробкой поднялась на толщину пальца, будто кто-то снизу нажал на нее. Белый свет тонкой линией вышел из щели.

Нет.

Я бросилась к полу, но Мейра вывернулась из моих рук с неожиданной силой. Не осознанной. Ее тянуло к свету так же, как Сайрена тянуло к окну.

— Мама, больно, — прошептала она.

— Где?

— В руках.

Я схватила ее ладони.

На коже не было ран. Но под тонкими пальцами проступали две бледные линии. Не серебро. Еще нет. Только намек.

Сайрен подошел к ней и взял сестру за руку.

Я хотела разъединить их.

Не успела.

Дом наполнился белым светом.

Не вспышкой. Не огнем. Свет поднялся из-под пола, прошел через ладони детей и ударил в потолок тонким столбом. Крыша не загорелась, балки не треснули, но я почувствовала, как защита, которую я годами плела вокруг дома, разошлась по швам.

Дети не кричали.

Это было страшнее.

Мейра смотрела вверх широко раскрытыми глазами. Сайрен держал ее крепко, как будто понимал, что если отпустит, она упадет.

Я встала между ними и светом, положила ладони им на руки и приказала себе не паниковать.

Паника ломает магию.

— Слушайте меня, — сказала я. — Оба. Смотрите на меня.

Мейра моргнула.

— Мама, там башни.

Я не смотрела вверх.

Мне нельзя было смотреть.

Если знак уже вышел за крышу, я должна была гасить его, а не любоваться тем, чего боялась пять лет.

— Мейра, на меня.

Она медленно опустила взгляд.

Сайрен сделал это сам.

— Это наш дом, — сказала я. — Не небо. Не башни. Не голоса. Дом. Вы стоите на полу. Я держу ваши руки. Дышите со мной.

Они вдохнули неровно.

Свет дрогнул.

Снаружи кто-то закричал.

Я услышала хлопок двери у соседей, затем голос мужчины:

— Что это над домом Марны?

Слишком поздно.

Знак вышел наружу.

Я отпустила детей, подхватила с сундука плащ и накинула его Мейре на плечи.

— Сидеть у очага. Не подходить к окну. Что бы ни услышали.

— Мама, — сказал Сайрен.

В его голосе был страх, но не детский. Он понял, что сделал что-то опасное, хотя не знал что.

Я присела перед ним.

— Ты не виноват. Ни ты, ни Мейра. Но сейчас мне нужно закрыть след.

— Это больно?

Я не солгала.

— Да.

Мейра всхлипнула.

— Не надо.

— Надо. Иначе нас найдут те, кто не будет спрашивать разрешения.

Она прикусила губу, чтобы не заплакать. Моя смелая девочка, которая еще не знала, что иногда смелость в пять лет — это просто попытка не мешать матери спасти тебя.

Я вышла во двор.

Ветер сразу ударил так сильно, что я едва удержалась на ногах. Снег летел почти горизонтально. Над нашим маленьким домом, над кривой трубой, над мокрой крышей и черной линией берега стоял знак Асгарда.

Не полный образ крепости. Дети были слишком малы, сила слишком неуправляема.

Но и этого хватало.

В небе светились очертания высоких башен, соединенных тонкими мостами. Под ними раскрывались два крыла — не птичьи, не драконьи, а знак древних Белых седел. Его знали все всадники Нордвир. Его учили узнавать с детства. Его ждали десятки лет.

И теперь он горел над домом изгнанницы в бедном пограничном поселении.

У соседних домов уже открывались двери. Люди выходили на пороги, прикрывая лица от снега. Кто-то крестил грудь старым знаком моря. Кто-то шептал молитву драконам. Ханна стояла у своей калитки в накинутах на ночную рубашку шубе и смотрела вверх с открытым ртом.

Мне нужно было не объяснять.

Мне нужно было успеть.

Я шагнула к старому колодцу во дворе. Его каменный круг был глубже земли и старше поселения. Когда я впервые увидела дом, то выбрала его именно из-за этого колодца. Старый камень лучше держал печати.

Под снегом у основания лежала тонкая железная скоба. Я нащупала ее, дернула, открыла узкую щель между камнями и достала спрятанный нож.

Обычный нож для чужих глаз.

Родовой инструмент для тех, кто знал, куда смотреть.

Я провела лезвием по уже раскрытой линии на ладони.

Боль была резкой. Честной. Она не унижала, только требовала внимания.

Кровь выступила быстро.

Я прижала ладонь к камню колодца и пустила силу вниз, в землю, туда, где мои старые печати держали дом, как пальцы держат край ткани.

— Закреть, — прошептала я. — Не разрушить. Не спорить. Закреть.

Сила не любила коротких приказов. Ей нужно было направление. Причина. Цена.

Я дала все три.

Направление — знак в небе.

Причина — дети в доме.

Цена — моя кровь.

Свет над крышей дрогнул. Башни Асгарда стали тоньше, будто их отодвигали за плотную завесу снега. В груди у меня сжалось так сильно, что я на миг перестала дышать. Моя магия тянулась к знаку, а знак тянулся к детям. Между ними стояла я, и обе стороны требовали уступить.

Я не уступила.

Серебристые следы на ладони раскрылись глубже. Кровь потекла по запястью под рукав. Колени ослабли, но я удержалась, упершись второй рукой в ледяной камень.

У ворот кто-то крикнул:

— Марна! Что происходит?

Я узнала голос Вардена.

— В дом! — ответила я, не оборачиваясь. — Это северный разлом. Закройте двери и не смотрите на свет.

Ложь была простой и похожей на правду. Северные разломы иногда давали сияние в бурю. Люди боялись их достаточно, чтобы не спорить ночью.

— Детей уведи! — крикнула Ханна.

— Они внутри.

— Тебе помочь?

— Нет!

Слишком резко.

Я смягчила голос, насколько могла.

— Закрой ставни, Ханна. Пожалуйста.

Она послушалась не сразу. Я слышала, как она еще стояла у калитки. Потом ее дверь хлопнула.

Хорошая женщина.

Умная женщина.

Пусть живет долго и никогда не узнает, кого укрывала рядом.

Я нажала ладонью сильнее. Камень принял кровь. Белый свет в небе начал собираться к центру, как ткань, которую стягивают шнуром. Башни исчезли первыми. Потом крылья. Последней осталась тонкая вертикальная черта, уходящая вверх, туда, где за облаками когда-то стоял Асгард.

Она не хотела гаснуть.

Я поняла почему.

Это был не только детский выброс силы.

Кто-то ответил.

Далеко на севере, за горами, за ледяными провалами, за дорогами всадников, древняя крепость почувствовала кровь наследников и потянулась к ней.

Не зло.

Не ласково.

По праву.

— Нет, — сказала я сквозь зубы. — Они дети. Не ключи.

Последнее слово ударило по магии сильнее крови.

Свет оборвался.

Небо снова стало темным.

Я еще несколько секунд держала ладонь на колодце, потому что боялась отпустить слишком рано. Потом пальцы сорвались с камня. Меня качнуло. Я опустилась на колени в снег, прижимая раненую руку к груди.

Тишина после бури была хуже шума.

Потому что в ней можно было услышать, насколько далеко ушел след.

Я знала: я закрыла знак для поселения, для случайных глаз, для слабых магов.

Но если этой ночью над севером был хоть один драконий дозор, если кто-то из всадников Черной эскадры смотрел на небо, если Наргейм поднял голову на королевской террасе, то свет Асгарда не прошел незамеченным.

Я вернулась в дом, когда смогла встать.

Сайрен и Мейра сидели у очага, как я велела. Мейра держала брата за руку. На щеках у нее были слезы, но она не всхлипывала. Сайрен смотрел на мою ладонь.

— Ты сказала, мы не ключи, — произнес он.

Я опустилась перед ними на пол.

— И это правда.

— А кто мы? — спросила Мейра.

Я могла бы сказать: мои дети.

Это было бы правдой, но недостаточной. Сегодня они уже почувствовали, что мир за стенами дома знает о них больше, чем я позволяла им знать о себе.

Я взяла их лица в ладони. Раненая рука болела, но я не убрала ее. Пусть чувствуют тепло, а не кровь.

— Вы Сайрен и Мейра. Сначала это. Всегда это. Все остальное — потом.

Мейра всхлипнула наконец и обняла меня за шею.

Сайрен прижался сбоку.

Я держала их, пока буря снова не наполнила дом обычным шумом. Долго. Слишком крепко. Наверное, дети это чувствовали, но не жаловались.

Под утро жар поднялся в теле.

Цена пришла полностью: слабость, боль в ладони, сухость во рту, тяжесть в глазах. Я заставила себя перевязать рану, спрятать белые пластинки глубже, вымыть кровь у колодца и посыпать снегом следы на дворе.

Соседи будут говорить.

Я уже подбирала объяснение. Северный разлом. Старый колодец. Соль в земле. Детям показалось. Марна знает, что делает. Марна всегда помогала, значит, ей можно верить.

Иногда добрые дела становятся щитом надежнее железа.

Когда рассвело, буря ушла на восток.

Море осталось темным. Дома Вардхольма стояли целыми. Дым поднимался из труб ровно. На первый взгляд ничего не изменилось.

Я стояла у окна, кутаясь в шерстяной платок, и смотрела на двор. Дети спали на моей кровати, потому что отпускать их в другую комнату я больше не могла.

На улице Ханна говорила с Варденом. Оба поглядывали на мой дом, но к двери не шли. Хорошо. Мне нужен был хотя бы час.

Потом над поселением прошла тень.

Не облачная.

Я поняла это раньше, чем подняла голову.

Сердце ударило один раз и будто остановилось.

За северными крышами, над линией берега, кружил дракон.

Черный.

Огромный.

Он шел низко для такой туши, почти касаясь крыльями края утреннего тумана. Ни один обычный дозорный дракон не летал так близко к поселению без приказа. Ни один молодой дракон не держал бы такой ровный круг в ветре после бури.

Я знала этот разворот крыла.

Знала мощную шею, темный гребень, медленный поворот головы.

Наргейм.

Дракон Вальгарда.

Я отступила от окна, чтобы он не увидел движение за стеклом, хотя это было бессмысленно. Драконы видели не так, как люди. А Наргейм когда-то опускал голову к моей ладони в королевском дворе и позволял мне касаться теплой чешуи между глаз.

До суда.

До изгнания.

До того, как его всадник решил, что я предала Нордвир.

За моей спиной Мейра сонно пошевелилась.

— Мама?

Я не обернулась сразу.
Смотрела, как черный дракон делает второй круг над Вардхольмом.
— Спи, — сказала я тихо.
Но сон закончился.
Для всех нас.

Глава 2. Дракон на пороге

Наргейм сделал третий круг над Вардхольмом и пошел на снижение.

Я поняла это по тому, как изменился воздух. Сначала над крышами прошла тяжелая тень, потом снег на земле поднялся мелкой пылью, а ставни в домах ударили о стены. Дракон не касался поселения, но его присутствие было слишком большим для узких улиц, коптилен, рыбацких дворов и низких крыш, привыкших только к ветру.

Люди выбегали на улицу.

Кто-то кричал, чтобы дети прятались. Кто-то звал старейшину. Варден ругался возле пристани так громко, что я слышала его даже через закрытое окно. Ханна сто

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.